

Шарапова Александра Андреевна

ассистент

ФГБОУ ВПО «Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена»

г. Санкт-Петербург

**К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЧИ
ПЕРСОНАЖА НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ В. СКОТТА**

***Аннотация:** в данной статье рассматриваются лингвистические средства, при помощи которых в романах В. Скотта воплощаются национально-культурные речевые характеристики персонажей, и функции, выполняемые ими в художественном тексте.*

***Ключевые слова:** антропоцентризм, речевая характеристика, языковая личность, ксеноним.*

Известно, что развитие любой науки осуществляется посредством поэтапной смены парадигм. Главным принципом современной лингвистики рубежа XX–XXI вв. считается антропоцентризм. Антропоцентрическая парадигма определяется крупным российским лингвистом С.Г. Воркачевым как «возвратившая человеку статус «меры всех вещей» и вернувшая его в центр мироздания» [3, с. 64].

Вследствие этого возникло понятие «языковой личности», которая понимается Ю.Н. Карауловым как модель реальной личности, отраженная в произведенных ею текстах: «...языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [5, с. 38]. В данный момент оно является одним из ключевых понятий антропоцентрической лингвистики – науки, изучающей язык в неразрывной связи с человеком, его мышлением, сознанием, духовно – практической деятельностью [1, с. 8].

В современных исследованиях изучение языковой личности опирается на разнообразный речевой материал. Оно проводится, в том числе, и на основе литературных произведений. Что касается художественного текста, одним из его неотъемлемых свойств является антропоцентрический характер, который заключается в том, что предметом изображения в любом художественном произведении выступает человек. Автор, персонаж и читатель художественного произведения являются «...концептуальными носителями сущностного признака литературного текста – *абсолютного антропоцентризма* и принадлежат к его ведущим смысловым категориям» [6, с. 219]. Как отмечается учеными, персонаж – это «...субъектный центр художественного мира, изображаемого в литературном произведении словесно-речевыми средствами» [6, с. 219].

Известно, что важная роль при создании литературно-художественного портрета персонажей принадлежит речи самих персонажей, которая является одним из основных средств их косвенной (речевой) характеристики. В исследовании А.Е. Белоусовой под речевой характеристикой понимается «...каждая из особенностей, которая характеризует манеру речи той или иной повествовательной инстанции» [2, с. 52]. Каждая речевая характеристика оформляется с помощью выделения в тексте и оценки репрезентирующих её маркеров. При этом, важность представляют лишь наиболее яркие и существенные элементы речевых характеристик, а значит, отсутствует необходимость в детальном описании всех единиц речи персонажа.

Задачей данной статьи является рассмотрение некоторых диалектных и культурных особенностей лингвистического воплощения речевых характеристик персонажей исторических романов В. Скотта. При изучении речи персонажей литературных произведений следует принимать во внимание, что их речь является стилизацией разговорной речи и имеет некоторые явные отличия от живой речи: в ней отсутствуют паралингвистические и интонационные средства, речь персонажей, будучи созданной одним автором, не несет в себе элементов спонтанности и произвольности.

Культурные особенности речи героев ярко представлены в романе «Quentin Durward». Действие данного романа происходит при дворе французского короля Людовика XI, что подчеркивается употреблением большого количества франко-культурных ксенонимов в тексте произведения. Под ксенонимами в данной статье, вслед за В.В. Кабакчи, понимаются «...языковые единицы, функционально направленные на обозначение элементов внешних культур» [4, с. 29]. Ксенонимы французской культуры в репликах персонажей, помимо своей основной стилистической функции – создания национального колорита и духа изображаемой эпохи – могут выполнять ряд других важных функций, например, характеризовать отношения между персонажами: «*though the uncle be a Scottish gentillâtre, that makes not the nephew necessarily so*» [7, с. 566]. В данном отрывке один из персонажей книги граф де Кревкер называет дядю главного героя романа *gentillâtre* (захудалый дворянин), что свидетельствует о его высокомерно-презрительном отношении к этому человеку, поскольку данный ксеноним французской культуры определенно имеет негативную окраску. Важно отметить, что английское слово *gentleman*, образованное, как и *gentillâtre*, от старофранцузского *gentil*, имеет исключительно положительные коннотации и не способно правильно передать отношение графа де Кревкера к дяде главного героя.

В ситуациях, когда диалог персонажей ведется на иностранном языке, указанием на язык общения обычно служат слова и выражения разговорного этикета, в случае романа «Quentin Durward» – франкокультурного: «*Debout! Debout! – ha! Messires, en route, en route!*» [7, с. 389]. *Messir* – обращение к имени-тому гражданину в средневековой Франции. В приведенном отрывке оно не только способствует созданию национального колорита и свидетельствует о социальном статусе адресатов, но и указывает на то, что говорящий произносит свою реплику на французском языке. Многие диалоги открываются на французском языке, затем диалог ведется на английском, однако франкоязычные обращения или междометия регулярно напоминают читателю, что герои в действительности ведут общение на французском языке: «*Pasques-dieu! And a gallant custom it is*», (...) «*Pasques-dieu! That is too magnificent*» [7, с. 60].

В следующем отрывке из речи короля Людовика XI при помощи франко-культурных ксенонимов осуществляется целый ряд стилистических функций – создание национального колорита произведения, эмоциональная окраска речи персонажа, передача отношений между персонажами: *The merchant only laughed louder as he spoke, and answered, «Pasques-dieu! The proverb never fails – fier comme un Ecossois – but come, youngster (...) – But, tête-bleau! What do you with a hunting-glove on your hand?»* [7, с. 61].

Известно, что с повышением эмоциональности речи ослабляется ее предметно-логическое содержание. Наибольшей неопределенностью смысла отличаются междометия, бранные слова (ругательства *pasques-dieu, tête-bleau*), оценочные слова и фразеологизмы (*fier comme un Ecossois*). Благодаря употреблению вышеупомянутых ксенонимов речь Людовика звучит эмоционально и выразительно. Перечисленные выражения также служат индикаторами того, что диалог короля с собеседником, передаваемый на английском языке, на самом деле ведется на французском. Еще одной функцией вышеуказанных ксенонимов является в некоторой степени характеристика отношений между персонажами. Наряду с английскими выражениями *youngster* и *poor set of folks* французские ругательства *pasques-dieu* и *tête-bleau* указывают на то, что говорящий относится к собеседнику снисходительно, не стремится подбирать выражения в его присутствии.

В языке романов В. Скотта активно используются диалектные элементы для создания неповторимых образов литературных персонажей. Особый интерес представляет репрезентация диалектных особенностей речи героев в романе «Rob Roy». Как было упомянуто выше, речь персонажей является стилизацией разговорной речи, а потому в произведении представлены наиболее типичные особенности шотландского диалекта. Важно отметить, что диалектные особенности, в основном, являются устойчивыми, однако иногда степень их выраженности в речи одного и того же персонажа может меняться, что служит косвенной характеристикой психологического состояния персонажа. Обратимся к примерам из речи Роб Роя: «*I cannot render you the service you seem to desiderate. I am,*

he added, drawing himself up haughtily, «travelling on my own private affairs, and if ye will act by my advisement, sir, ye will neither unite yourself with an absolute stranger on the road, nor communicate your line of journey to those who are asking ye no questions about it» [8, с. 145]. Единственным отклонением в произношении здесь является местоимение *ye* – устаревший вариант местоимения *you*, сохранившийся в шотландском диалекте, – которое служит указанием на то, что данную речь произносит шотландец. В остальном речь Роб Роя в данном отрывке соответствует литературной норме английского языка, её понимание не вызывает затруднений. Благодаря таким словам латинского происхождения как *desiderate* и *communicate* она кажется обдуманной; элементы экспрессивности в данном отрывке отсутствуют. Обратимся к другому примеру: *«I dinna ken that», said he; «but I ken, that turn every ill-willer that I had amang them out upon the green before the Clachan of Aberfoil, I wad find them play with broadsword and target, one down and another come on»* [8, с. 526–527]. Здесь наблюдается значительно больше отклонений от литературной нормы: вместо стандартного английского варианта глаголов *don't know, know, would* и предлога *among* Роб Рой употребляет *dinna ken, ken, wad, amang*, типичные для шотландского диалекта. Диалект в подобных случаях способствует передаче эмоционального состояния говорящего. По сравнению с предыдущим примером, такая речь создает впечатление более спонтанной, экспрессивной.

Одной из функций речевых характеристик является сопоставление или же противопоставление персонажей по различным признакам – возрасту, уровню образования, особенностям характера, принадлежности к тому или иному социальному слою, национальной принадлежности. Рассмотрим отрывок из диалога между героем-рассказчиком книги «Rob Roy» Фрэнком и садовником Эндрю, диалектные особенности речи которого привели к недопониманию между этими двумя персонажами:

«(...) but having been mistrusted (gude preserve us!) with ae bogle the night already, I was dubious o' opening the yet (...))»

«Trusted with a bogle!» said I; «what do you mean by that, Andrew?»

«I said mistrysted», replied Andrew; «that is as muckle as to say, fley'd wi' a ghaist – Gude preserve us, I say again!»

«Flay'd by a ghost, Andrew! How am I to understand that?»

«I did not say flay'd», replied Andrew, «but fley'd, – that is, I got a fleg, and was ready to jump out o' my skin (...)» [8, с. 314–315].

Эндрю, рассказывая о духе, употребляет слово из шотландского диалекта *mistryst* – быть смущенным, озадаченным чем-либо, которое Фрэнк принимает за ныне устаревшее слово *tryst* – назначить тайную встречу, что вызывает у него недоумение. Пытаясь объяснить, что он имеет в виду, Эндрю использует другое слово шотландского диалекта – *to fley*, соответствующее *to frighten*, испугать, которое Фрэнк, опять же, принимает за знакомое ему созвучное слово *to flay* – обдирать, разорять. Таким образом, противопоставляя двух персонажей, один из которых говорит на шотландском диалекте, а другой с трудом понимает носителей этого диалекта, автор произведения в очередной раз косвенным образом напоминает читателям, что Фрэнк на севере Англии недавно и что ему иногда бывает трудно общаться с местными жителями.

Следует отметить, что все многочисленные случаи проявления диалекта в речи персонажей служат не только для характеристики этих конкретных персонажей, но также отражают речевые характеристики, типичные для группы персонажей:

(Magdalen): *«And his ain bairn is brought back this blessed day, and he is lying there stark and stiff, and kens naething of its health and sickness!» [9, с. 421].*

(Andrew): *«Aweel, it's the warst thing I ken aboot the lassie, howsoe'er» [8, с. 172].*

В приведенных примерах наблюдаются типичные фонетические и лексические особенности, свойственные речи носителей шотландского диалекта. Они служат для создания национального колорита произведений и достижения большей реалистичности в изображении персонажей, делающие их речь более выразительной. На лексическом уровне это – употребление существительных *bairn* и *lassie* – шотландских вариантов английских слов общеупотребительной лексики

child и *girl*, глагола *ken* вместо английского *know*, а также междометия *aweel* вместо *well then*. На фонетическом уровне наблюдается замена некоторых гласных звуков, как монофтонгов (*naething* вместо *nothing*, *warst* вместо *worst*), так и дифтонгов (*ain* вместо *own*), монофтонгизация дифтонга в слове *aboot* – шотландском варианте английского предлога *about*.

Таким образом, проявления диалектных и культурных особенностей в речи различных героев рассматриваемых романов выполняют ряд важных функций в произведении: они могут являться средством повышения художественной достоверности повествования, способствовать созданию национального характера и национального колорита произведений, постоянно напоминая читателю, где происходит действие романа, служить индикатором языка диалога общения, косвенно характеризовать отношения между персонажами и даже свидетельствовать о психологическом и эмоциональном состоянии персонажа.

Список литературы

1. Архипов И.К. Язык и языковая личность. – СПб.: Книжный дом, 2008. – 248 с.
2. Белоусова А.Е. Речевой портрет как структурный компонент макроуровня нарратива: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 24 с.
3. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64–72.
4. Кабакчи В.В. основы англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 229 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
6. Щирова И.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова. – СПб.: Книжный Дом, 2007. – 472 с.
7. Scott W. Quentin Durward. – Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1962. – 650p.
8. Scott W. Rob Roy. – New York, HarperCollins, 2012. – 656 p.

9. Scott W. The Fair Maid of Perth. – Boston, Ticknor and Fields, 2014. – 674 p.